

Наиболее глубокое знание полемической литературы о «Сказании о грамоте Русстей» продемонстрировал А. В. Флоровский, который высказал много остроумных догадок по этому вопросу как в первом томе известной монографии «Чехи и восточные славяне», так и в статье в сборнике «Славянская филология». А. В. Флоровский совершенно правильно доказывает первоначальность чтения «Войтех» и вторичность — «вой латинский», как читается в некоторых рукописях. В вопросе о «Сказании о грамоте Русстей» он твердо стоит на позициях, сходных с точкой зрения Н. К. Никольского. Показательно, что он умалчивает о легенде Кристиана. Считая, что русское известие о Войтехе возникло после 1080 г., т. е. после запрещения славянской литургии в Чехии, А. В. Флоровский тем не менее продолжает отстаивать чешское происхождение этого известия.

На самом же деле русское свидетельство имеет не больше веса, чем поддельная грамота в Хронике Козьмы. Во-первых, оно сохранилось в сравнительно поздних списках: в приписке к Житию Константина (древнейшая рукопись с этой припиской относится к XV в.), Хронографической толковой Палее по списку 1494 г. и другим спискам.²⁴ Это обстоятельство, разумеется, еще ничего не решает, поскольку весьма древние тексты часто известны только в поздних списках.

Сложнее обстоит дело о контекстом, в котором стоит известие о губительной деятельности Войтеха: в «Сказании о грамоте Русстей» оно обрамлено рассказом о том, как Константин нашел «русские письмена» в Корсуне у «русина». Это вызвало резко отрицательные суждения многих исследователей: данное известие «представляет не что иное, как простую амплификацию и подробный комментарий к известию пространного жития Кирилла об открытии его героем русских письмен» (Г. А. Ильинский);²⁵ «но эта заметка — пренелепая компиляция, хотя бы домонгольская (по мнению Соболевского), составленная в противовес летописным сказаниям для возвеличения Руси; „Морава—Чехи—Ляхи“ взяты из летописи, но им дана русская грамота; естественно, что и Войтех изгнал русскую грамоту из Морави—Чехи—Ляхи» (В. М. Истрин).²⁶ Несомненно, что критики Н. К. Никольского во многом были правы, хотя Н. К. Никольский высказал немало интересных догадок и соображений.

Не сомневаемся, что предположение Г. А. Ильинского и В. М. Истрина о том, что «Сказание о грамоте Русстей» является поздним распространением Жития Константина и ПВЛ, станет общепринятым. То сходство выражений между «Сказанием о предложении книг» и «Сказанием о грамоте Русстей», которое привело А. А. Шахматова к предположению, что это части одного и того же памятника, при более глубоком исследовании доказывает зависимость «Сказания о грамоте Русстей» от ПВЛ. Этим еще раз подчеркивается необходимость установить, когда «Сказание о предложении книг» попало в летописный свод. Можно вслед за А. А. Шахматовым предположить, что это произошло в начале XII в., тогда амплификация в «Сказании о грамоте Русстей» относится к более позднему времени, чем дошедшая до нас редакция ПВЛ (Несторова или Сильвестрова), и в этом случае не имеет смысла говорить о каком-либо письменном западнославянском источнике.

В силу «внутренних» соображений трудно предположить, что направленный против Войтеха памфлет мог возникнуть в западнославянской

²⁴ Ср.: Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник..., стр. 79.

²⁵ Byzantinoslavica, roč. II, sv. 2, стр. 435.

²⁶ Byzantinoslavica, roč. IV, sv. 1, стр. 36—55.